

УДК 39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-204-208

Е. П. Батьянова*Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация***Жертвы Гражданской войны и репрессий 1920–1930-х годов в семейных хрониках телеутов¹**

Аннотация. В докладе анализируются устные семейные хроники телеутов, касающиеся периода советской истории 1920–1930 гг. Тексты хроник записаны автором во время экспедиций к телеутам в 1976–2014 гг. Обращено внимание на то, что в постсоветское время содержание хроник дополнилось новыми именами и событиями, связанными с Гражданской войной и репрессиями периода коллективизации. Отмечено, что генеалогии и семейные хроники, поддерживая память о людях и событиях различных периодов истории телеутов, структурируют их этническую и родовую идентичность и способствуют их этническому самосохранению. **Ключевые слова:** телеуты, семейные хроники, Гражданская война, репрессии, коллективизация, кулаки, шаманы.

В основе доклада – анализ содержания устных семейных хроник телеутов, касающихся советского периода истории. Тексты хроник были записаны мной во время экспедиций к телеутам в 1976–2014 гг.

Генеалогическая память играет существенную роль в поддержании этнической и родовой идентичности телеутов. В их генеалогиях, уходящих на глубину 6–12 поколений, запечатлены имена и события, связанные с историей как всего этноса, так и отдельных сеоков (родов), фамилий, семей. В последние десятилетия из потаенных глубин генеалогической памяти телеутов поднялись на поверхность забытые в обществе имена людей, репрессированных в советское время. Лица, погибшие или пострадавшие в годы Гражданской войны и репрессий 1920–1930-х гг., фигурируют во многих семейных хрониках. Среди жертв революционного террора и репрессий – не только отдельные индивиды, но и целые семьи, родовые кланы, в том числе представлявшие в досоветское время культурную элиту телеутского сообщества. Таким был, например, клан Шабураковых, относившийся к знатному телеутскому сеоку меркит. С начала XIX в. Шабураковы жили в Горном Алтае, в селении Улус-Черга, и занимались отгонным скотоводством. Их хозяйствование отличала высокая культура. Они разводили лошадей и даже поставляли их для нужд царской армии. Глава клана Урус Шабураков был депутатом Томской городской думы.

Шабураковы постоянно упоминаются в записках миссионеров 1880–1910-х гг. как самые «оголтелые язычники», заядлые враги православной миссии [1, с. 121 и др]. Они активно сопротивлялись территориальной экспансии российских переселенцев,

умело используя для этого правовые механизмы: обращались в суд и пр.

Обстановка гражданской войны разожгла противоречия между разными группами населения в местах проживания Шабураковых, что в 1919 г. закончилось для них трагедией. Рассказывает правнучка Уруса Шабуракова Софья Николаевна Шабуракова: «В ту ночь налетели на верховых лошадях. Кто они были, неизвестно – или красные, или белые... С целью, видимо, ограбления. Скорее всего, это просто бандиты из степных районов. Слава-то прошла, что Оруска-то богатый, что он для царской армии лошадей поставлял, значит у него богатство большое... А наши русского языка-то не знают и ничего в политике не разбираются... На мирное население – раз – налетели и стали ловить мужчин и четырнадцать успели поймать, а остальные ускользнули, сбежали в горы... А этих в Могуту за 3 км от Улус-Черги угнали и всю ночь рубили... Рев в аиле, страшный рев был мужчин... На алтайском языке говорят: „Что? Кто вы? За что вы нас? Если вам надо богатство, ну берите, но зачем вы нас рубите-то?“ А через дорогу, дороги-то грунтовые, неширокие... соседи не спали всю ночь... Остальные наши мужчины сбежали... Они поехали вверх по Чуйскому тракту, видимо, хотели перейти границу Монголии и в Китай... уйти... И их поймали в Белом Боме и гнали через Чергу... Никто не знал, куда их гонят...» [2].

А вот рассказ, где изложена одна из версий гибели главы клана Шабураковых: «Белые с красными... дрались. Решили красные уничтожить Шабураковых род весь. А старик Орус спрятался. На лыжи встал и в горы ушел. Сына привели. Он кричит: „Папа, или ты будешь умирать, или я“. – «Сынок, ты оставайся – пусть лучше меня убивают» [3].

Рассказы о гибели Шабураковых фигурировали в 1990-х – начале 2000-х гг. в информационных бюллетенях телеутских ассоциаций: «Я расскажу вам одну историю. Мы сами из Алтая. Мой дед был бай – очень богатый человек, это было еще до революции. Он держал большие табуны лошадей и каждый год высылал подарки русскому царю. По сто отборных жеребцов в армию царя Николая Второго, и за это

¹ Публикация подготовлена с использованием материалов гранта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски», а также проекта РФФИ № 03-06-80179а «Женщина и возрождение шаманизма (постсоветское пространство) на рубеже тысячелетий».

царь подарил ему золотую чашу, на которой было вырезано имя моего деда и благодарность ему от царской семьи. Но вот случилась революция, и деда убили какие-то люди, раздев его и водив по деревне в мороз, так он и замерз, а всю семью его уничтожили. Но память о нем и о золотой именной чаше осталась в нашей семье» [4].

После учиненного погрома жители Улус-Черги покинули селение и несколько лет скитались по деревням степного Алтая и кузнецких степей, где у них жили родственники. По данным известного исследователя этнографии Алтая А. В. Анохина, в 1919 г. в Улус-Черге было убито 26 человек [5, л. 40]. Участница этнографической экспедиции 1924 г. Е. Черневская отметила, что в Улус-Черге «в каждой семье не хватает или отца, или мужа, или брата, и есть семьи, где остались исключительно одни женщины» [6]. Многие из Шабураковых, покинувших Улус-Чергу, так и не вернулись обратно.

Разбойным набегами в начале 1920-х гг. подвергались и другие телеутские селения, что запечатлено и в семейных хрониках, и в архивных документах: «С 8 на 9 июля на дер. Шанда набег сделала банда под командованием Бордокина Тимофея в числе 8 человек, у них оружия — 4 нагана, 8 гранат, у всех винтовки. После чего отступили на пасеку Ермолаева [7, л. 1].

Аресты, преследования «классовых врагов», ограничения их в правах с особым размахом продолжались в период коллективизации. Людей арестовывали, ссылали, лишали права служить в армии. Эти факты фигурируют в устных рассказах телеутов и находят многие подтверждения в архивных документах [8].

Об опальной судьбе Шабураковых, бежавших в степной Алтай из Улус-Черги, рассказывают их потомки, живущие в г. Заринске: «Мой прадед Уруска. Дед мой Шур привез сюда последних, младших (Шабураковых. — Е. Б.). Шел ночью, где пешком, где как... То ли у деда, то ли у прадеда дочь сюда замуж вышла. Отец здесь и остался. Во Вторую мировую войну он добровольно ушел на фронт. В 1942 году, кажется, погиб... Здесь житья ему не было. Сын кулака... Раньше-то... ненавидели кулаков, тех, кто хорошо жил. Деда преследовали, потом моего отца. Он с пятого года... Отец сколько лет, мама говорила, прятался, ходил, шалаш делал. Там, ближе к Чумышу, заросли, землянку выкопал. Боялся, не давали ему возможности. Наверное, забрали бы, и так бы и канул опять. Но потом, перед войной, стал пастухом, коров пас частных, не колхозных, не совхозных... Ненавидели его, ну не то что ненавидели, презирали или как сказать... Все говорили, что он сын кулака, и с ним хорошо не разговаривали, но забрать-то не забрали... Я помню, в послевоенное время... даже наши одноклассницы говорили: „А-а-а, вы кулаки!“ [9].

Репрессиям подвергались представители и многих других телеутских фамилий: «Мама фамилия была Тодышева. Деда не раскулачивали. Но просто он сам себя обеспечивал. Какой кулак?! И он в гости

поехал в Белово. Поехал, и там его забрали, и неизвестно, за что. Так домой и не вернулся. С Тодышевым беловским они были братья. За что и зачем их забрали?» [9].

Деление населения на группы, имевшие разный правовой статус (кулаки, бедняки, середняки), ломало вековые представления людей о социальных и нравственных ценностях и нормах. Характерно, что в воспоминаниях стариков-телеутов бедняки, активно сотрудничавшие с новой властью, нередко фигурируют как бездельники, не желающие и не умеющие работать: «Уполномоченными становились самые бедные люди, которые не хотели пахать, сеять. Бичевали» [10]: «Был у нас М. С. Председателем он не был и секретарем сельсовета не был, но был доносчик хороший. И коммунистом он не был. Он просто такой человек был, который не любил тех, кто трудился. Он и животных особо не держал. Двор у него был бедноватенький. Он себя к беднякам относил, а кто ему не давал работать?!» [2].

В устных рассказах телеутов упоминаются формы противодействия людей коллективизации — например, распространенное в те годы свертывание хозяйства и избавление от имущества — «самораскулачивание»: «Отец был улусовский, из богатой семьи. Он все размотал перед раскулачиванием. Мама и бабушка ругались. А он им говорит: „А в Нарым не хотите?“ [11]. Весьма распространено было «бегание от колхоза», о чем вспоминают старики: «Мои от колхоза убежали. Чего боялись? Здесь жили в большом доме — крестовый, четырехкомнатный. А колхоз организовываться стал, так прямо из деревни кто куда убегает. В другую деревню. Которые — в Белово. Ну, редкие остались» [12].

Иногда представители власти отказывались участвовать в раскулачивании. Об этом рассказывает внучка Трифона Кильтеева — бывшего председателя сельсовета в Кызыл-улусе. Власти требовали от ее деда «найти и выдать кулаков... А поскольку кулаков не было, его самого решили раскулачить... Вещи все вынесли, сундуки вынесли, скотину всю забрали. На глазах у всех раскрыли сундуки, всю одежду, обувь каждый, кто стоял там, забрали. Они в чем были, в том и остались, мама рассказывала... Пять или шесть детей у ее отца было... Остались они ни с чем. Приют нашли сначала у родственников, попросились и какое-то время там жили. Мама говорит: „За кусок мыла, чтобы помыться, мы бесплатно у людей работали. Сено надо было сгрести или что, какую-либо посильную помощь оказать. За кусок мыла целый день работали!“ [13].

Раскулаченному Трифону Кильтееву одному из немногих удалось восстановить свои права: «Дед, поскольку он был грамотным... поехал в Новосибирск... И там он восстановил право голоса. Теперь он мог принимать участие в голосовании, статус свой он восстановил. Смог вернуть только дом, а все остальное... пришлось ему наживать заново... В Челухоеве построили себе дом... И до конца жизни они в том доме жили» [13].

Традиции коллективной самозащиты, взаимовыручки, характерные для телеутского сообщества, в некоторой степени смягчали жесткий процесс коллективизации. Некоторым людям удалось избежать раскулачивания благодаря активной защите односельчан или местных представителей власти: «В 1930-е годы было раскулачивание. Кто-то сказал тогда, что Сидор Казакович, мой отец, – кулацкий сын, надо раскулачить. Уполномоченный был у нас в деревне Иктин Андрей. Он защитил отца, сказал: „У него нечего раскулачивать. Он сам построил дом, один строил, возил лес из тайги. У него одна корова, одна лошадка. Чего его раскулачивать?“ Настоял, чтобы не трогали. Так мы остались нераскулаченными» [10].

Тем не менее классовое неприятие «кулаков-эксплуататоров», насаждаемое господствовавшей идеологией, бытовало среди части телеутского населения. В семейных хрониках запечатлены случаи покушения на убийство членов кулацких семей или лиц, неугодных власти: «Мама рассказывала: когда ей было 10 лет... она сидела за столом в вечернее время, и вот кто-то вечером проходил и выстрелил из ружья... Пуля прошла мимо и в стену вонзилась, рядом со щекой прошла. Дед следом выбежал, никого не нашел... Он был действительно порядочным человеком, всегда жил по совести: „Ну как я могу найти кулаков, если нет таких“. Вот и сам он попал под раскулачивание» [13].

Среди способов противодействия коллективизации и сопровождавшим ее акциям в рассказах телеутов упоминаются побеги семей кулаков из ссылки и возвращение их в родные места: «В деревне раскулачивали семью Чаштановых. Они где-то в Нарыме были. Через сколько-то, через год или года не было, оттуда обратно каким-то образом вернулись» [9]. «Тодышева Сатлая раскулачивали, Николая Абакумовича раскулачивали, Кучеева Сидора. Кучеевы поженились и жили в Шанде, а в 29-м году у Сидора умер сын Петр, застрелили его 19 января. Зимой похоронили сына, а летом их раскулачили. Они уехали пятеро в Нарым: Сидор, жена его, мать, сестра и еще сын Федор. Там мать умерла, сестра умерла, жена умерла. Сидор с сыном только остались – с Федей – 16-летним сыном. То ли в 1933 году (точно не могу сказать) Сидор решил сбежать. Сын уже заболел. На себе он тащил сына. Где-то в тайге деревню нашли, наняли подводу, в Томск на вокзал привезли его. Сидор приехал сюда и здесь потом похоронил сына, в Шанде. Один он остался, в 1935 году его опять забрали... Ефросинья Каргина краску купила и перепродавала ее, поймали ее и посадили на год... Они там встретились, договорились, а потом поженились они. Жили, и у них родилась дочь Анна... Сидора потом опять забрали, и так с концом – без вести» [10].

Местные власти вводили по собственной инициативе необоснованные запреты для кулаков и их семей. Им, например: не разрешали брать воду из проруби: «Кулацкие отрывки, не поганьте воду, не ходи-

те к проруби, воду не берите» [10]. Запрещали выгонять скот на деревенские пастбища, в результате жертвами репрессий становились не только люди, но и животные: «У бабушки отца раскулачили, а сын без вести пропал на войне. Ей не разрешали пастить корову на пастбище... Корова все лето стояла на привязи, и ей приносили скошенное сено. Она потом сбежала и попала под поезд» [14].

В устных рассказах телеутов приводятся факты изощренной жестокости, демонстрируемой представителями власти по отношению к «классовым врагам»: «В 30-е годы кого не сажали? Всех сажали, у кого корова есть, лошадь. Дедушка по матери – Тодышев Мураш. 8 лошадей у него было, столько же коров... Кто не знал этого Мураша? Все знали. Он симментальскую породу коров держал. Такой большой был, здоровый, высокий. Лошадь застрянет, не может вытягивать телегу из грязи – он телегу возьмет и поставит, а потом сядет, и дальше поехали... Когда его приехали арестовывать, то привязали за руки к телеге, и он, привязанный, должен был бежать за телегой до самого города» [15].

Рассказы телеутов о репрессированных и погибших родственниках наполнены эмоциями, в них горечь и сочувствие к жертвам террора: «Что он думал перед тем, как его расстреляли? За что, за какое преступление их убивали? За что, спрашивается? Или кого они убили? Или кого обидели? Не так ли? За свои труды, за свои нажитки. Они работников не имели, они сами трудились... За свои труды они страдали. Кулаками называли их» [10].

Редко кто из жителей телеутских селений доносил о сбежавших из ссылки и возвратившихся на родину соседях или родственниках. Им старались оказать посильную помощь: «Братя мамы Василий Иванович и Петр Иванович Андрушкины были сосланы в Нарым. Отец им продукты туда возил. Ребятишек их он украл, из Нарыма вывез... Братя таким же путем скрыто приехали. Сначала открыто жили, потом опять стали скрываться. Василий говорит: „Что мне скрываться? Поедем в Верховскую – за семьей“. Его забрали. Расстреляли его (внуки теперь узнали). А старший брат так и скрывался, в кустах просидел. В войну стал работать в колхозе. После войны умер, в году 48-м. Старшего сына забрали как сына кулака в 1937-м году» [16].

«Помню, как они сидели на улице с ребятишками. В Шанде жили, выгнали их за то, что сбежали они из ссылки... Потом приходит Шулатаев: «Что, будете сидеть на улице? Пойдемте к нам – переночуйте. Побудьте у нас пока». На вторую ночь приходит Пелагея, бабушка: „Пойдемте, деточки“. У них переночевали несколько ночей. Потом приходит бабушка Стеша и говорит: „По домам не ходите, живите у нас“. У них несколько времени пожили. Отец сбежал всё, прятался. Потом решил паспорт себе оформить. „Теперь, – говорит, – мне не страшно, я с паспортом теперь. Пойду в колхоз работать“... Поставил землянушку. Уже достраивал, а потом приезжает милиция из Бекова – кто-то доложил, наверное... Забрали и в

1937 годах – так его нет. Миша где-то в архивах нашел, что... расстреляли» [10].

Помимо кулаков и членов их семей, арестам и преследованиям подвергались также шаманы (камы) и служители православного культа.

Притесняемые властью телеутские шаманы искали защиты у этнографов. Об этом упоминает в полевом этнографическом дневнике 1929 г. А. Г. Данилин: «Улус Крутой... Приехал сюда из Тарабы в гости кам Семен Абушкин... Солидно и вежливо стал нас просить ему помочь. Его как кама притесняют и не позволяют приносить жертвы... А он... готовится делать очередное камлание... Мы сказали, что церковь у нас отделена от государства и никто не имеет права препятствовать» [17, л. 158–159 об.].

Иногда раздражение властей вызывали и этнографы, которые изучали шаманизм. Так исследовательская деятельность в Горном Алтае А. В. Анохина подчас подвергалась критике в газетах, о чем упоминает в полевом дневнике 1928 г. А. Г. Данилин: «Анохин здесь не пользуется популярностью: вчера в местной газете была статья, в коей высмеивалось его увлечение бурханизмом и шаманизмом. Говорят, что он хочет уезжать обратно в Барнаул» [17, л. 90].

Характерно, что в рассказах телеутов о борьбе советской власти с шаманами последние, вопреки реалиям, всегда выходят победителями. Образы шаманов в этих рассказах мифологизированы, и шаманам в их противодействии репрессиям «помогают» их духи. Бытуют рассказы, как духи наказывали гонителей шаманства. Популярна история о том, как один из местных активистов попытался играть на изъятах у шаманов бубнах, в результате «лицо его покрылось болячками» [18].

Большинству телеутских шаманов не удалось избежать ущемления в правах, преследований и арестов. Репрессиям подвергались и их родственники. Так, сын известного кама Канакая Федор Челухоев в 1937 г. был арестован и сослан на Север, где находился до 1952 г. Его семья, оказавшаяся в бедственном положении после конфискации всего имущества, скиталась по родственникам. Две его дочери умерли от туберкулеза.

В горниле репрессий погиб телеут Роман Алексеевич Хлопотин – корреспондент и активный помощник ленинградских этнографов А. Г. Данилина и Л. Э. Каруновской, связавший в конце жизни свою судьбу с православной церковью. О нем вспоминает его внучка Любовь Тыдыкова: «В 1937 году деда расстреляли. Его забрали, и жену его, матушку, забрали. Через неделю ее отпустили. Она приехала никакая. Долго молчала... Конфискованы были книги у него. Он в церкви стал служить после смерти же-

ны первой... Можно опубликовать какие-то документы о нем?» [19].

Среди деятелей культуры, репрессированных в первые десятилетия советского периода, был выдающийся художник, телеут по происхождению, Григорий Иванович Гуркин (1870–1937), расстрелянный по обвинению в шпионаже в пользу Японии, а также фольклорист и этнограф Георгий Маркелович Токмашев (1892–1960). Выходец из телеутского селения Челухоево, ученик Г. Н. Потанина, Токмашев был арестован в 1920 г. и как «член контрреволюционной земской управы», провел в заключении два года; с 1934 по 1938 г. он «отбывал срок за антисоветскую агитацию». Воспоминания о Г. М. Токмашеве его сыновей приведены в специально посвященной ему статье [20].

Несмотря на то, что потери телеутов в период Гражданской войны и репрессий периода коллективизации и «большого террора» были весьма существенны, многие люди сейчас с ностальгией вспоминают советские времена, в том числе колхозную жизнь: «Все равны были. Была работа» [21]. «Сейчас люди вроде бы хорошо живут, но не радостно. После войны, когда я росла, радостно было жить. Сейчас все вспоминаем ранешнее житье» [22]. Такие настроения нашли отражение в публикациях историко-этнографического музея «Чолкой», резко критикующих разрушение советских форм хозяйствования, прежде всего колхозов [23, с. 16].

Таким образом, устные семейные хроники и генеалогии телеутов сохраняют память о сложных перипетиях жизни их сообщества в XX в., не предавая забвению ни имена, ни события. Генеалогическая память структурирует этническую идентичность телеутов и способствует этническому самосохранению этого малочисленного народа.

Batyanova E. P.

Victims of the Civil War and Repression of the 1920–30s in the Teleut Family Chronicles

Annotation. The report examines oral family histories of Teleuts that are related to the 1920–30s period of Soviet history. The texts of these histories were collected and written down by the author during the various trips to Teleuts in 1976–2014. Attention is drawn to the fact that in the post-Soviet period, new names and events associated with the Civil war and repressions of the collectivization period were introduced into the narratives. It is pointed out that genealogies and family chronicles, by supporting the memory of people and events of the Teleut history, thus organize and structure their ethnic and kin identity and contribute to the stability of the ethnic group and community as a whole. **Keywords:** Teleuts, family histories, Civil war, repression, collectivization, kulaks, shamans.

Источники и литература

1. Батьянова Е. П. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. Москва Наука, 2007. 396 с.
2. ПМА 2001 г.: Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. Шабурова С. Н., 1919 г. р.
3. ПМА 1997 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда. Тарасова А. С., 1926 г. р.
4. Информационный бюллетень № 1 от 15 июня 2003 г. Проект Аржан Суу Кемеровская региональная об-

- щественная организация телеутского народа «Набат» Л. 4. Баксарина Адо (рукопись).
5. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (МАЭ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 14.
 6. Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 24. Черневская Е. Телеутская женщина в замужестве. Сообщение. 1924 г.
 7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 1. Л. 1. О набегах банды Т. Бордокина на Шанду, 1923 г.
 8. Батьянова Е. П. Телеутские кулаки и торговцы в годы коллективизации // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 86–96.
 9. ПМА 2010 г.: Алтайский край, г. Заринск. Шабуркова У. С., 1936 г. р.
 10. ПМА 2004 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда. Тарасова А. С. 1926 г. р.
 11. ПМА 2012 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда.
 12. ПМА 2004 г.: Кемеровская область, пос. Телеуты (Новокузнецк). Сагина А. П. 1922 г. р.
 13. ПМА 2014 г.: Кемеровская область, Беловский район, д. Верховская. Мажина П. Н., 1954 г. р.
 14. ПМА 2004 г.: Кемеровская область, г. Белово. Тодышева М. А., 1960 г. р.
 15. ПМА 2010 г.: Алтайский край, г. Заринск. Шабуркова М. С., 1929 г. р.
 16. ПМА 1994 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда. Тарасова А. С., 1926 г. р.
 17. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 135. Оп. 2. Д. 102.
 18. ПМА 1976 г.: Кемеровская область, Беловский район, д. Челухоево, д. Верховская.
 19. ПМА 2014 г.: Кемеровская область, г. Белово. Тыдыкова П. Н., 1958 г. р.
 20. Батьянова Е. П., Рюмина Л. Т. Георгий Маркелович Токмашёв — просветитель, этнограф, фольклорист // Репрессированные этнографы: Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. Москва Вост. лит. РАН, 2003. С. 105–127.
 21. ПМА 2014 г.: Алтайский край, г. Заринск. Шабуркова У. С. 1936 г. р.
 22. ПМА 2010 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда. Кыстарова А. А., 1936 г. р.
 23. Люди труда и созидания. Историко-этнографический музей «Чолкой» Беловского района. Телеутская земля с. Беково / сост. В. И. Челухоев, Л. Г. Челухоева. Беково, 2010.

УДК 394

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-208-213

Э.-Б. М. Гучинова*Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Российская Федерация***У каждого своя Сибирь. Устные истории в изучении повседневной жизни калмыков в ссылке**

Аннотация. Публикация посвящена важному в истории Калмыкии, но еще недостаточно исследованному антропологами и социологами периоду депортации народа в Сибирь (1943–1956) и памяти об этом. Цели и задачи публикации — показать роль метода устной истории в изучении повседневных практик выживания калмыков в Сибири, а также специфику калмыцкого нарратива о депортации, которая отражает социальную динамику взаимоотношений репрессированных калмыков и местного населения — от первой встречи, часто травматичной, до последующих дружеских. Автор показывает примеры позитивной работы с травматичным прошлым, которая отражается в Поездах Памяти и фокусирует работу благодарной памяти. **Ключевые слова:** депортация, калмыки, устная история, нарратив, репрессии, Сибирь, политики памяти.

Тема ссылки в публичном дискурсе. Калмыки были высланы в Сибирь 28 декабря 1943 г. Весь народ в один день был «поднят на колеса», по выражению сотрудников НКВД, выполнявших операцию «Улусы» и погружен в товарные вагоны, в которых людей повезли в Сибирь. Оказавшись расселенными по 3–4 семьи на село в глубинных местечках, разбросанных по многим регионам Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, они хлебнули горя, столкнувшись с бесправием, с нищетой, с изгойством. Но, справившись с первыми трудностями депортации, калмыки смогли обустроиться на местах, со временем наладились и отношения с местными властями и населением. Однако в 1949 г. статус репрессированных был подтвержден, вышел указ Верховного Совета СССР о том, что калмыки высланы «навечно». Калмыцкая автономия была восстановлена в 1956 г. как область в составе Ставропольского края в 1957 г. [1, с. 238,

241]. В 1957–1958 гг. калмыки вернулись на родину, но о годах в Сибири предпочитали не говорить.

Известно, что подчиненные (сабалтерны) не могут говорить (Г. Ч. Спивак) о том, что их действительно беспокоит, — например, о своих исторических травмах [2]. Так, калмыки молчали о депортации практически 30 лет после возвращения, переживая несправедливое обвинение со стороны Родины — колониальный конструкт коллективной вины. От имени сабалтернов всегда говорят их лидеры или посредники — политики или журналисты, которые имеют свои производственные задачи и говорят от имени подчиненных то, что хотят услышать власти.

Кроме внутренних причин, у этого молчания были для этнической группы и внешние. Государственная советская цензура не пропускала сюжеты, которые противоречили большому нарративу и принципу партийности — верности марксистско-ленин-